

ПОВАРНИН СЕРГЕЙ ИННОКЕНТЬЕВИЧ (1870-1952)

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О СПОРЕ

Глава I. О ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ

Тезис.—Выяснение тезиса.— Определение понятий.— "Количество" суждения.— Степени "модальности".— Важность выяснения мыслей.

1. Прежде чем говорить о споре и его особенностях, надо хотя бы в самых общих чертах ознакомиться с доказательствами. Ведь спор состоит из доказательств. Один доказывает, что такая-то мысль верна, другой — что она ошибочна.

Та мысль, для обоснования истины или ложности которой строится доказательство, называется тезисом доказательства. Вокруг нее должно вращаться все доказательство. Она — конечная цель наших усилий. Тезис в доказательстве — как король в шахматной игре. Хороший шахматный игрок всегда должен иметь в виду короля, какой бы ход ни задумывал.

Так и хороший доказыватель в споре или без спора: о чем он в доказательстве ни заводит речь, всегда в конечном счете имеет в виду одну главную цель — тезис, его оправдание или опровержение и т. а

Вот почему первое требование от приступающего к серьезному доказательству или спору — выяснить спорную мысль, выяснить тезис, т. е. вникнуть в него и понять так, чтобы он стал для нас совершенно ясным и отчетливым по смыслу. Это берегает много времени и охраняет от множества ошибок.

2. Для того чтобы выяснить тезис, достаточно обыкновенно выяснить три вопроса относительно этого тезиса.

Во-первых — все ли слова и выражения тезиса вполне и отчетливо нам понятны.

Само собою ясно, что если нам надо опровергать или оправдывать, напр., тезис: "социализация земли в данное время необходима", мы должны вполне ясно и отчетливо понимать, что такое "социализация земли". Без этого у нас выйдет не настоящее доказательство, а какая-то "фальсификация", "безграмотная мазня". Между тем в этом именно пункте — в понимании смысла слов тезиса — грешат очень часто доказательства вообще и особенно споры.

Если смысл слова в тезисе не вполне ясен и отчетлив, то надо "определить" это "слово" или понятие. Напр., прищем определение понятия "социализация земли". Это "отмена всякой собственности на землю и объявление земли достоянием всего народа". Если мы удовлетворимся для наших целей этим определением, то можем идти дальше. Если же что-нибудь нам покажется неясным при таком определении — мы должны туг же стараться выяснить и эту неясность. Одним словом, надо стараться выяснить каждое понятие тезиса по возможности до полной кристальной ясности и отчетливости.

3. Как же надо выяснять понятие? Для этого на практике существуют два средства: а) самому своими силами определить понятие. Но это часто даже невозможно; б) воспользоваться уже готовыми чужими определениями. Второй способ обыкновенно предпочтительнее, если дело не касается понятий из нашей специальности, превосходно, "как пять пальцев, нам знакомых". Хорошо определить понятие — дело обычно трудное, иногда же, особенно в споре, очень трудное, требующее больших знаний, навыка, труда, затраты времени. Лучше воспользоваться определениями тех людей, которые могли затратить на них все это, определение которых прошло через огонь критики.

Всего более можно рекомендовать для данной цели определения из какой-нибудь серьезной и авторитетной научной книги. Это само собою понятно. Если таких нет под руками, годится определение из хорошего энциклопедического словаря и других подобных источников. Бывает так, что одно и то же понятие, разные книги и разные авторитеты определяют различно. Тогда мы, конечно, выбираем какое-нибудь наиболее, по нашему мнению, правильное определение. Но в таком случае должно помнить, что существует несколько определений данного понятия, и иметь это в виду, особенно в спорах, чтобы не вышло недоразумений. Хорошо, если мы помним их все и знаем их недостатки; но во всяком случае надо не забывать, что определений данного понятия есть несколько.

Определения тех понятий, с которыми нам приходится особенно часто встречаться в доказательствах и спорах, надо все заучить по возможности точно и вполне сознательно. Напр., в современных спорах постоянно встречаются слова: интернационал, социализм, буржуазия, пролетариат, социализация земли, капитал и т. д. Между тем приходится часто убеждаться, что очень многие, даже так наз. "социалисты", совершенно не понимают или превратно понимают смысл таких слов. Спросим, что значит слово — он или не ответит, или понесет такую околесицу, что хоть уши зажимай. А ведь как трезвонит этими словами!.. — Во избежание

нелепых споров и опасности превратиться в популая следует, повторяю, хотя бы заучивать определения, разобравшись в них как следует. Не доверяться тому, что "когда-то об этом читал". Прочтешь, а потом забудешь и, грубо выражаясь, "переврешь". Тут нужно именно по крайней мере разумное заучивание, чтобы не получалась "каша в голове".

4. Второй пункт, который надо выяснить в тезисе, следующий.

В тезисе, как и во всяком простом "суждении", всегда что-нибудь утверждается или отрицается о каком-нибудь предмете или о многих предметах одного и того же класса. И вот для ясности и отчетливости мышления надо знать, об одном ли только предмете идет речь или о всех без исключения предметах данного класса, или не о всех, а о некоторых (большинстве, многих, почти всех, нескольких и т. п.). Между тем во многих суждениях, которые высказываются в доказательствах и словах, этого именно и не видно. Напр., человек говорит "люди злы". Ведь мысль его не ясна. Все люди без исключения или большинство? Не зная этого, нельзя напр., опровергать подобного тезиса, потому что способы опровержения тут различны.

Иногда приходится выяснять всегда ли свойствен предмету тот признак, который ему приписывается, или не всегда.

Без этого тоже мысль часто бывает неясной. Напр., кто-нибудь говорит:

"когда солнце садится в тучи, назавтра ждать дождя". Вполне естественно спросить: всегда без исключения или же в большинстве случаев.

Выяснение этого пункта называется выяснением суждения (значит, и тезиса) по "количеству". Там, где "количество" тезиса неясно, как, напр., в суждении "люди злы", тезис называется неопределенным по количеству.

5. Затем надо выяснить, каким мы суждением считаем тезис, несомненно истинным, достоверным и несомненно ложным или же только вероятным в большей или меньшей степени, очень вероятным, просто вероятным и т. п. Или же нам опровергаемый, напр., тезис кажется только возможным: нет доводов за него, но нет доводов и против. Опять-таки в зависимости от всего этого приходится приводить различные способы доказательства. <...>

6. Итак, вот три главных пункта, которые обыкновенно достаточно и всегда необходимо выяснить при выяснении тезиса: а) все неясные для нас понятия, в него входящие; б) "количество" его и в) "модальность" его. <...>

Глава II. О ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

О доводах.— "Связь в доказательстве".— Ошибки: в тезисе, в доводах и в связи

1. В доказательстве истинности или ложности тезиса мы приводим другие мысли, так называемые доводы или основания доказательства. Это должны быть такие мысли: а) которые считаем верными не только мы сами, но и тот человек или те люди, кому мы доказываем, и б) из которых вытекает, что тезис истинен или ложен.— Конечно, если мы приведем такой довод, который наш собеседник не признает верным, то это будет промах. Нужно будет или доказать истинность самого этого довода, а потом уже опираться на него при доказательстве тезиса, или же искать другого, более удачного довода. Напр., если я хочу кому-нибудь доказать, что "работать надо", а в виде довода прибавлю "потому что так Бог велит", то такой довод будет годиться только для верующего. Если же человек не верит в Бога, а я приведу ему этот довод, конечно, ничего ему не докажу.— Затем, как сказано, надо, чтобы из довода вытекала истинность тезиса;

надо чтобы тезис и основания (доводы) были так связаны, что кто признает верным довод, тот должен необходимо признать верным и тезис. Если эта связь сразу не видна, надо уметь показать, что она есть. Без этого тоже доказательство — не доказательство. Напр., если кто хочет доказать, что "у нас скоро хлеб подорожает" и приведет довод: "в Америке вчера было землетрясение", то такое доказательство меня не убедит.

Да, в Америке было землетрясение. Довод верен.— Но он "ничего не доказывает". Какая же связь между этим доводом и тезисом, что "скоро хлеб у нас подорожает"? Может быть, и связь эта есть, но я-то ее не вижу. Покажи ее—и тогда будет настоящее доказательство. А пока я не вижу этой связи, никакой самый верный довод меня не убедит.

Таким образом, вот что нужно для доказательства, кроме тезиса:

а) основания, доводы и б) связь между ними и тезисом.

2. Каждый важный довод в доказательстве надо рассмотреть отдельно и тоже выяснить,— так же выяснить, как мы выяснили тезис. Ведь если мы не вполне поймем довод, то разве можем вполне уверенно сказать, что он истинен или что он ложен? Эта работа выяснения и здесь совершенно необходима. Надо только научиться делать ее скоро. И кто попробовал проделывать ее при доказательствах, то вполне оценит, от скольких ошибок и траты времени она оберегает.— Не надо доверяться "первому взгляду" и думать, что выяснять не требуется. Эта-то наша самая обычная человеческая ошибка, что многие мысли нам кажутся вполне ясными; но придет случай, затронет противник такую мысль, и окажется, что мысль эта для нас

совсем не ясна, напротив, очень туманна и иногда даже ложно понята нами. Тогда мы можем стать в споре в очень нелепое положение. Иллюзия ясности мысли — самая большая опасность для человеческого ума. Типичные примеры ее находим в беседах Сократа, насколько они переданы в диалогах Ксенофонта и Платона. Подходит к нему какой-нибудь юноша или муж, которому "все ясно" в той или иной мысли. Сократ начинает ставить вопросы. В конце концов оказывается, что у собеседника иллюзия ясности мысли прикрывает тьму и непроходимые туманы, в которых гнездятся и кроются самые грубые ошибки.

3. Ошибки в доказательствах бывают, главным образом, трех видов:

а) или в тезисе, б) или в доводах, в основаниях, или в) в связи между доводами и тезисом, в "рассуждении".

Ошибки в тезисе состоят в том, что мы взялись доказывать один тезис, а на самом деле доказали или доказываем другой. Иногда это тезис, сходный с настоящим тезисом или как-нибудь с ним связанный, иногда же — и без всякой видимой связи. Эта ошибка называется отступлением от тезиса. Примеры ее встречаются на каждом шагу в споре. Напр., человек хочет доказать, что православие — плохая вера, а доказывает, что православные священники часто плохи. Или хочет доказать, что нерассудительный человек глуп, а доказывает, что глупый человек не рассудителен. А это вовсе не одно и то же. Отступления от тезиса бывают самые разные.

Можно и отчетливо не только тезис спора, но и антитезис его, и никогда не упускать из виду, что таковой существует. Это не только помогает отчетливости спора, но и дает возможность легко отразить некоторые ошибочные нападения на тезис и, когда противник тезиса "упускает из рук нападение", переходить самому в "контратаку". <„.>

Глава XL УВАЖЕНИЕ К ЧУЖИМ УБЕЖДЕНИЯМ

Редкость его. — Что значит уважать чужие убеждения. — Борьба за истину. — Частичность заблуждений. — Частичность истины. — Уверенность как результат невежества.

1. Важное условие настоящего, хорошего и честного спора (для убеждения он или для победы и т. д. — все равно) — уважение к убеждениям и верованиям противника, если мы видим, что они искренни.

Это условие соблюдается — особенно в нашей стране — очень редко. Обычно люди живут еще "звериным обычаем" в области мысли, т. е. склонны считать человека, который держится других убеждений, или идиотом, или мерзавцем и, во всяком случае, настоящим "врагом". Это, конечно, признак или некультурного и невежественного, или же узкого ума...

Уважать чужое убеждение, чужое верование — значит уважать искреннюю веру и убежденность в них человека и право на них. Вот что заслуживает уважения и сочувствия. "Святыня" для другого человека может казаться нам великим заблуждением, но раз это для него святыня, мы должны к ней относиться как к человеческой святыне.

Одним словом, уважение к чужой вере и к чужим убеждениям есть один из важнейших видов уважения к человеческой личности. Где мало первого, там мало вообще и последнего.

2. Это, конечно, не значит, что мы должны чувствовать уважение "ко лжи и обману" (как говорит Филалет). Но искреннее убеждение и верование не есть обман и ложь: оно может быть лишь заблуждением. — Несомненно, что заблуждение, каково бы оно ни было, мы не только можем опровергать, но обыкновенно и должны делать это; должны бороться с ним всеми силами своими, хотя бы оно было "святыней из святынь" для другого человека. Но ведь бороться можно не как пьяные мужики, которые при этом стараются выругать противника и задеть "ЕЮ личности". Существует известное рыцарство борьбы. Опровергать можно самым решительным образом, но не оскорбляя чужих убеждений насмешками, резкими словами, — издевательством; особенно — не глумясь над ними перед сочувствующей нам толпой. — Уважение к чужим убеждениям не только признак уважения к чужой личности, но и признак широкого и развитого ума.

К сожалению, оно, повторяю, встречается у нас редко. Чаще встречаются споры, о которых писал Надсон:

Мы спорили долго, до слез напряжения... Но странно — собратья по разным стремлениям И спутники в жизни на общем пути — Друг в друге врага мы старались найти!..

Собственно, это и не "странно", если, как продолжает он несколько ниже, в споре звучат: Поддельные стоны, крикливые фразы. Тщеславье...

В таких спорах нет искренних, "глубоко правдивых" убеждений, значит, не может быть и уважения к ним. Как "глубоко правдивые" убеждения, так и понимание их ценности и уважение к ним чаще всего вырабатываются трудом, страданиями, опытом жизни...

3. Здесь, кстати, можно привести некоторые соображения, помогающие иным бороться со склонностью считать наше мнение истиною, а остальные — чепухой, результатом недомыслия или нечестности.

Во-первых, просты и несомненны (для обычных целей) лишь истины нашего обычного опыта; напр., я не сомневаюсь, что спал в эту ночь и что пил утром чай. Но чем сложнее и отвлеченнее

истина, тем менее она "проста" и тем труднее достигнуть правильной уверенности в ней. Между тем огромное множество людей совершенно не понимает этого. Не говорю уж о молодежи, которая, заглянув в приходящую науку, думает что уже все познала: все ясно и все решено. Истина уже открыта: ее познал Кант или Маркс, или кто-нибудь другой. Нужно много умственного добросовестного труда и опыта, чтобы прийти к сознанию, к которому пришел Ньютон под конец жизни: что он собирал только камушки на берегу безбрежного океана истины... Молодежи не известна величавая, гигантская, титаническая борьба за истину, ведущаяся человечеством и которой не видно конца,— борьба, при первых лишь шагах которой мы присутствуем. Что останется через десять тысяч лет от наших теперешних теорий? Неужели прогресс человеческой мысли застынет на Канте, Марксе и т. д. Издали море мысли не отличить от озера. Только тот, кто пробовал его исследовать, знает его неизмеримость. И такой человек всегда скромнен.

4. Второе, чего не следует забыть, это — ложная мысль в большинстве случаев ложна только отчасти. С древних времен указывается на это — но без особенной пользы. "Я думаю, нет спора,— говорит Влад. Соловьев,— что всякое заблуждение, о котором стоит говорить, содержит в себе несомненную истину и есть лишь более или менее глубокое искажение этой истины; ею оно держится, ею привлекательно, ею опасно и чрез нее же только оно может быть как следует понято, оценено и окончательно опровергнуто". (Идея сверхчеловека, I). Это надо помнить. Но не следует забывать и того, что и большинство "истин", выходящих за пределы простого обычного опыта, тоже не "чистые истины", что в них есть тоже примесь заблуждения большего или меньшего, которого мы оценить теперь не в силах. Оценят другие, оценят потомки. И мысль об этом должна постоянно смягчать самоуверенность и узость нашего мышления и способствовать тому, чтоб относиться ко всем взглядам, даже совершенно противоположным, с полным вниманием и без пренебрежения.

5. В общем, кто пренебрежительно относится к верованиям или убеждениям других, показывает этим свою уверенность, что "познал истину" и "истина у него в кармане". Но нельзя отрицать и того, что чем человек невежественней, чем разум его менее развит, то он более склонен к такой уверенности, и именно уверенности в тех вопросах, о которых имеет более смутное понятие: "продавец колониальных товаров имеет вполне законченный взгляд на иностранную политику", у юной барышни — вполне установившийся взгляд на религиозные вопросы, "сельская поповна высказывает твердое убеждение, что Париж никогда не будет взят" и т. д., и все они "нисколько не сомневаются в верности своих взглядов" (Минто). Одним словом, "степень убежденности не пропорциональна количеству затраченной на нее умственной работы, и, быть может, общее правило таково: что чем менее уверенность основана на рассуждении, тем крепче за нее держатся". — "Склонность к слепой уверенности, по замечанию Бэна, прирожденна человеческому уму и только постепенно ее ограничивает опыт" (Минто. Логика. Введение, II). Помня все эти соображения и применяя к себе, а не только к другим, человек значительно убавит самоуверенность собственной мысли, а вместе с этим возрастает уважение к праву других людей мыслить и решать вопросы по-своему,— что играет очень немалую роль в правильном споре.— Надо ясно сознать, что человеческое знание творится и идет вперед путем необычайно сложного процесса борьбы мнений, верований, убеждений. То, во что мы лично верим,— только часть борющихся сил, из взаимодействия которых вырастает величественное здание человеческой культуры. Все они необходимы, и борьба их, честный спор между ними необходимы, и если владычествует одна из них, подавив остальные и затушив споры и борьбу,— настает величайший враг движения вперед: спокойствие застоя. Это— смерть умственной жизни. <...>

Глава XIV. ГРУБЕЙШИЕ НЕПОЗВОЛИТЕЛЬНЫЕ УЛОВКИ

Неправильный выход из спора,— Срывание спора.—Довод *к городовому".— Палочные доводы.

1. Непозволенных уловок бесчисленное множество. Есть очень грубые, есть очень тонкие. Наиболее грубые уловки "механического" характера. Такой характер часто имеет неправильный "выход из спора". Иногда приходится "бросить спор", потому что, напр., противник пускается в личности, позволяет себе грубые выражения и т. п. Это, конечно, будет правильный "выход из спора", по серьезным мотивам.— Но бывает и так, что спорщику приходится в споре плохо потому, что противник сильнее его или вообще, или в данном вопросе. Он чувствует, что спор ему не по силам, и старается всячески "улизнуть из спора", "притушить спор", "прикончить спор". В средствах тут не стесняются и нередко прибегают к грубейшим механическим уловкам.

2. Самая грубая из них и самая "механическая" — не давать противнику говорить. Спорщик постоянно перебивает противника, старается перекричать или просто демонстративно показывает, что не желает его слушать:

зажимает себе уши, напевает, свистит и т. д., и т. д. В споре при слушателях иногда играют такую роль слушатели, видящие, что их единомышленнику приходится плохо: туг бывает и хор одобрения или неодобрения, и рев, и гоготанье, и топанье ногами, и ломанье столов и стульев,

и демонстративный выход из помещения — все по мере культурности нравов слушателей. Спорить при таких условиях, конечно, невозможно. Это называется (в случае успеха) "сорвать спор".

Если спорщик достаточно нахален, он может, "поспорив" так с вами и не дав вам сказать ни слова, заявить: "с вами нельзя спорить, потому что вы не даете толкового ответа на вопросы" или даже: "потому что вы положительно не даете возможности говорить". Иногда все это делается "тоньше". Вы привели сильный, но сложный довод, против которого противник не может ничего возразить: он тогда говорит с иронией:

"простите, но я не могу спорить с вами больше. Такие доводы — выше моего понимания. Они слишком учены для меня" и т. п., и т. п.

После этого иного упрямец никак не заставишь продолжать спор: не схватить же за ногу, чтобы удержать его. Иного можно удержать "в споре", заявив, что, если он не понял довода, то вина в нашем неумении ясно высказать его, а не в его уме, и т. п.

К сожалению, в более грубой или в более утонченной форме "притушивание спора" и "срывание спора" встречается не очень редко. <...>

3. Другая, но уже более "серьезная" механическая уловка с целью положить конец невыгодному спору — "призыв" или "довод" "к городскому". Сначала человек спорит честь честью, спорит из-за того, истинен ли тезис или ложен. Но спор разыгрывается не в его пользу — и он обращается к власти предрержащим, указывая на опасность тезиса для государства или общества и т. д. Все равно, какие власти: старого режима или нового, "городовые" или "товарищи", — название такого приема одно и то же:

приходит какая-нибудь "власть" и зажимает противнику нашему рот. Что и требовалось доказать. Спор прекратился и "победа" за нами. — Для того чтобы применить подобную уловку, требуется, конечно, очень невежественная голова или очень темная совесть.

4. Но "призыв к городскому" имеет целью только прекратить спор. Многие этим не довольствуются, а применяют подобные же средства, чтобы "убедить" противника, т. е., вернее, заставить его, по крайней мере на словах, согласиться с нами. Тогда подобные доводы получают название "палочных доводов". Конечно, и в наше время употребляются еще "палочные доводы" в буквальном смысле слова. Насилие во всех видах очень часто "убеждает" многих и разрешает споры, по крайней мере на время. Но такие палочные доводы в область рассуждения логикой, хотя бы и прикладной, не входят. Здесь палочным доводам называется довольно некрасивая уловка, состоящая в том, что приводят такой довод, который противник, по соображению софиста, должен принять из боязни чего-нибудь неприятного, часто опасного, или на который он не может правильно ответить по той же причине и должен или молчать, или придумывать какие-нибудь "обходные пути". — Это, в сущности, разбой в споре. Даже, пожалуй, в одном отношении, еще хуже. Разбойник открыто предлагает дилемму "кошелек или жизнь". Софист преподносит скрытым образом и с невинным видом дилемму: "принять довод или потерпеть неприятность"; "не возражать или пострадать".

5. Такие доводы избилуют во все времена, у всех народов, при всех режимах; в государственной, в общественной, в частной жизни. Стоит понаблюдать их, напр., в газетах — в правых или левых, смотря по тому, в чьих руках власть. Конечно, не все газеты унижаются до этого. Но в виде общего правила можно сказать, что чем газета более "крайняя", тем больше шансов встретить в ней палочный довод, хотя есть немало любителей его и не из "крайних". Во времена инквизиции были возможны такие споры: вольнодумец заявляет, что "земля вертится около солнца"; противник возражает "а вот в псалмах написано: Ты поставил землю на твердых основах, не поколеблется она в веки и веки. — Как вы думаете — спрашивает он многозначительно, — может Св. Писание ошибаться или нет?" Вольнодумец вспоминает инквизицию и перестает возражать. Он даже, для большей безопасности, обыкновенно "убеждается", иногда даже трогательно благодарит "за научение". Ибо "сильный", "палочный довод", вроде стоящей за спиной инквизиции, для большинства слабых смертных естественно неотразим и "убедителен".

В наши времена, слава Богу, инквизиции нет, но существует много других форм палочного довода. Пример из недавней жизни — собеседование миссионера со старообрядцами. Старообрядец яростно доказывает, что миссионер и его церковь — еретики. Находчивый "миссионер" ставит вопрос: "Вот как! Значит, и наш Государь Император еретик?". Перед старообрядцем мелькнули — в воображении (а может быть, и наяву) знакомые лица альгвазилов и вспомнились "места не столь отдаленные". "Сердце его смятется и остави его сила его" и "бысть яко человек не слыш и не имый во устах своих обличения". Не так давно, когда на митингах преобладали "товарищи большевики", бедным "буржуйам" в спорах приходилось иногда плохо. "Это написано в распоряжении Исполнительного Комитета и т. д., а вы говорите, это изменническая мысль. Значит, в Комитете изменники?" — "Товарищи" слушатели мрачно слушают, что ответит буржуй... Вдали прохаживается милиционер, только что закусивший в доме Кшесинской... "Да я ничего не говорю... Да я так, к слову... Оно конечно". "То-то, конечно" и т. д. Буржуй смолкает и старается незаметно улизнуть. — Начальство иногда очень удачно убеждает своих подчиненных. "Люди других убеждений" ему "не подходят", а дома у

убеждаемого Вася и Ваня пищат, есть-пить просят. Доводы начальства часто действуют несравненно сильнее Цицероновского красноречия. <...>

Глава XVI. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УЛОВКИ

Выведение противника "из равновесия".— Расчет на медленность мышления и доверчивость.— Отвлечение внимания и наведение на ложный след.

1. Гораздо интереснее те уловки, которые можно назвать психологическими. Они основаны на знании некоторых свойств души человеческой и некоторых наших слабостей.

Состояние духа во время устного спора имеет огромное влияние на ведение спора. Когда мы "в ударе", т. е. нами овладевает легкое приятное возбуждение, при котором мысль, память, воображение работают особенно отчетливо и ярко, мы спорим лучше, чем обыкновенно. Если мы сильно взволнованы чем-нибудь, смущены, растерялись, "горячимся", если у нас рассеяно чем-нибудь внимание — мы спорим и соображаем хуже, чем обыкновенно, или даже совсем плохо. (Конечно, при прочих условиях равных.) Отсюда возникает ряд психологических уловок, предназначенных для того, чтобы вывести нас из равновесия, ослабить и расстроить работу нашей мысли.

1. Для этого существует много разных приемов. Самая грубая и обычная уловка — раздражить противника и вывести из себя. Для этого пускают в ход грубые выходки, "личности", оскорбления, глумление, издевательство, явно несправедливые, возмущающие обвинения и т. д. Если противник "вскипел" — дело выиграно. Он потерял много шансов в споре.— Некоторые искусно стараются "взвинтить" его до желательной степени. Я видел такую уловку:

несправедливостью и насмешками софист вывел из равновесия своего противника-юнца. Тот стал горячиться. Тогда софист принял вид несказанного добродушия и покровительственный тон:

"Ну, Юпитер! Ты сердишься, значит ты не прав".— "Ну что вы, батюшка! Стоит так горячиться! Успокойтесь, успокойтесь! Какая вы горячка", и т. д. Так ведь довел юнца до белого каления! У того и руки дрожат от волнения и негодования. Бросается сослепу в споре, куда ни попало. Перестал соображать совсем и,— конечно, "провалился".— Но применяют и разные другие способы, чтобы "вывести из равновесия". Иной намеренно начинает глумиться над вашим "святая святых" В личности он не пускается, нет! Но "взвинтить" может неосторожного идеалиста до последнего предела. — Если спор очень важный, при слушателях, ответственный, то, говорят, иные прибегают даже к "уловке артистов". Некоторые артисты, напр., певцы, чтобы "подрезать" своего соперника, перед выступлением его сообщают ему какое-нибудь крайне неприятное известие, чем-нибудь расстраивают его или выводят из себя оскорблением и т. п., и т. п., в расчете, что он "после этого не будет владеть собой и плохо споет. Так, по слухам, не гнушаются поступать изредка некоторые спорщики перед ответственным спором. Лично мне никогда не приходилось наблюдать этой подлой уловки, но, несомненно, возможна и она. Нужно и против нее быть настороже. <...>

"Спор. О теории и практике спора". Минск. 1992. С. 4-7,19-21,24-26,28.